

Кулясов И.П., Кулясова А.А., Овчинников А.А. Устойчивость и трансформация поморских и вепских сообществ // Телескоп. 2011. № 1 (85). с. 21-27.

Устойчивость и трансформация поморских и вепсских сообществ

В статье проанализированы механизмы устойчивости, трансформации и гибридизации, различные формы организации и самоорганизации в поморских и вепсских сообществах, дан их исторический и современный социально-экономический контекст. Описаны особенности информационных взаимодействий, взаимных услуг, а также общие ценности, сетевое взаимодействие, лидерство и статусность. Показаны процессы сохранения традиций и формы возрождения традиционной культуры.

Ключевые слова — case study, устойчивость, трансформация, гибридизация, самоорганизация, традиция, природопользование, сообщество, село, деревня, помор, вепс.

Иван Кулясов, Антонина Кулясова
научные сотрудники ЦНСИ
Алексей Овчинников
сотрудник Национального культурного центра
"Поморское Возрождение"

Введение

Тема устойчивости — это то, что волнует человечество с древнейших времен. Египетские пирамиды и римское законодательство, древние свитки и священные тексты — за всем этим проглядывает стремление людей к достижению стабильности, постоянства в ненадежном и изменчивом мире. Сегодня, когда современная цивилизация оказалась на пороге целой череды кризисов — экономического, демографического, ресурсного и пр., особенно обострился интерес к этой теме. Традиционные сообщества представляют в наши дни широкое поле для исследования механизмов устойчивости. Задача статьи — проанализировать, как поморские и вепсские сообщества, устойчиво просуществовавшие как минимум несколько столетий, приспосабливаются к меняющимся условиям. В написании статьи мы опирались на материалы проведенного в 2009-2010 гг. собственного исследования в рамках проекта "Самоорганизация в традиционных и современных устойчивых сообществах на примере поморских, вепсских сообществ и экопоселений".

Для исследования были выбраны сообщества, в которых уровень взаимодействия высок, развиты социальные сети. В этих сообществах в последние десятилетия происходит актуализация этнического самосознания, что накладывает определенную специфику. Выбор поморских и вепсских сообществ оказался перспективным для сравнения различных сценариев трансформации. Исследование проводилось в Мезенском районе Архангельской области (деревня Сояна и село Долгощелье), Тихвинском и Подпорожском районах Ленинградской области (Пашозерское и Винницкое сельские поселения). Использовался метод case study, было взято 56 полуструктурированных интервью, также проводилось участвующее наблюдение.

Оба поморских сообщества показали резистентность к различного рода воздействиям и способность к сохранению. Однако залог их существования — устойчивая экосистема и доступ к её использованию, в последние годы оказался под вопросом. Вепсские сообщества оказались более трансформированными. Несмотря на это, до недавнего времени сохранялись и они. Однако, в нашем исследовании мы фактически видим гибель сообщества деревни Пашозеро и попытки сообщества села Винницы выжить в новых условиях.

Устойчивость, трансформация и гибридизация

Поскольку темой настоящей статьи заявлена устойчивость, следует уточнить понимание этого термина авторами. Приведем цитату: "устойчивость... рассматривается, как способность данной системы адекватно реагировать на внешние и

внутренние воздействия и функционировать так, чтобы сохранять при этом стабильную внутреннюю структурно-функциональную организацию и развиваться в направлении достижения генетически заданных целей своего существования" (Дятлов 1998: 38).

Соответственно, в рамках настоящей статьи трансформация понимается как результат адекватного реагирования общества на подобные воздействия, при сохранении внутренней целостности и устойчивости социума. Таким образом, трансформация является нормальным процессом, протекающим в сообществе, не утратившем своей жизнеспособности. В социологии "социальная трансформация — это процесс изменения в обществах или социальных системах" (Гидденс 2005: 33).

Гибридизация, как вид трансформации, а также как механизм модернизации, скорее свидетельствует об утрате сообществом своего традиционного пути развития (Кулясова, Кулясов, Котилайнен 2006: 81-112). "Гибридизация — скрещивание социальных организмов" (Соколов 2003: 419). Например, традиционная для поморов артельность морского промысла с давних времен до наших дней прошла несколько ступеней трансформации: ромша — дружина — артель — рыбколхоз, сохранив при этом в значительной части привычные терминологию, структуру взаимоотношений, приемы и способы промысла, и многое другое. И в этом случае можно говорить об устойчивости (Крысанов 2002; Kulyasova, Kulyasov 2009; Keskitalo, Kulyasova 2009). А вот вепсские совхозы и отчужденные от поморских сообществ рыболовецкие траулеры, а также навязанные многоквартирные дома городского типа могут служить скорее иллюстрацией гибридизации.

Самоорганизация и устойчивость

Вполне оправданным для изучения механизмов устойчивости следует признать фокусирование внимания на самоорганизации как ключевом показателе реакции общества на вызовы внешнего окружения (Kulyasova, Kulyasov, Stewart 2009). Действительно, самоорганизация, базирующаяся на элементах, обеспечивающих устойчивость поморских и вепсских сообществ (традиции, общие ценности, привычное миропонимание) сама в то же время служит механизмом поддержания этой устойчивости. При этом проявления самоорганизации наблюдаются не только в активизации трансформационных процессов, но и в инерционности (противодействии изменениям), и даже в торможении активности отдельных членов социума, неформализованных и формализованных лидеров.

Интересно, что в социально-экономическом развитии ис-

¹ Исследование поддержано Фондом Кеттеринг; проект #34-79-00 KF-53695.

следованных социумов наблюдается некий "маятник" — социумы, достигшие в какой-то период наибольших успехов в этом развитии, при резком изменении условий существования демонстрируют заметно меньшую устойчивость, чем их не столь развитые соседи. Так, поморский рыбколхоз в Сояне, в советский период значительно более "передовой", чем соседний в Долгощелье, в отличие от последнего на момент исследования практически утратил свою роль ключевого социального института. Понятно, что такие процессы оказывают сильнейшее влияние на социально-психологический климат в сообществах.

Возможно, глубинное опасение последствий раскочки социально-экономического "маятника" следует признать ответственным за формирование в традиционных сообществах своеобразного механизма торможения, как "прогрессивной" внутренней активности, так и "положительно" трансформирующей активности извне. Эта черта обычно характеризуется словом "инерционность".

Краткая характеристика исследованных сообществ

В сферу нашего исследования были включены два поморских села — Сояна и Долгощелье, у вепсов — Пашозерское и Винницкое сельские поселения. Для того, чтобы понять, что представляют из себя поморские и вепские сообщества, проясним структуру сельских поселений, где они проживают. Структура поморских сельских поселений проста. Вследствие удалённости населённых пунктов друг от друга и отсутствия круглогодичных дорог обе исследованные нами деревни представляют отдельные сельские поселения насчитывающие несколько сотен человек с стандартным набором социальных учреждений (школа, клуб, библиотека, почта, медпункт). Это старые деревни, официальная история которых насчитывает несколько сотен лет. Их жители — потомки коренных жителей этих или близлежащих деревень, приезжих практически нет. Большая часть домов — старые, традиционные или новые, построенные в традиционном стиле. Домов с удобствами, характерных для посёлков городского типа, нет².

Винницкое и Пашозерское сельские поселения объединяют несколько крупных кустов деревень. Население Винницкого поселения составляет несколько тысяч человек. Кусты деревень формировались на протяжении длительного времени, в них преобладает местное вепское и частично русское население. Наиболее сильна вепская идентичность и менее всего приезжих в Ладвинском кусту. В центральных деревнях кустов, кроме Ладвы, в советский период леспрохозами и совхозами были построены многоэтажные деревянные и каменные дома. Таким образом, внутри деревень появились образования, напоминающие посёлки городского типа.

В Пашозерском поселении 15 небольших деревень, в нём по статистике проживает около 800 человек, однако реально около трети населения в поселении уже не живёт. Основные социальные учреждения расположены в Пашозере. В центре деревни — микрорайон с пятиэтажными домами, построенный в русле идей слияния города и деревни. Эти дома заселялись, в основном, в 1970-е — 1980-е гг. местными жителями, переселенными из соседних деревень, которые были признаны неперспективными по решению государства. Окраины поселка — частные дома с хозяйственными постройками и огородами. Некоторые жители, в том числе и многоквартирных домов, содержат коров, свиней, кур.

И вепские, и поморские сообщества являются старыми, традиционными сообществами, в разной степени затронутыми трансформационными процессами. Это накладывает отпечаток на взаимодействие людей и принятие решений внутри сообществ. Наименее затронуты трансформацией поморские со-

общества. Советский период и первое десятилетие постсоветского периода (или периода реформ) коснулись их в наименьшей степени. Возможно, это объясняется специфичностью местоположения.

Мезенский район — часть Поморья, находящаяся в сложных природных условиях, вблизи Полярного круга. Ведение обычного сельского хозяйства (зернового, овощного) здесь затруднено. Соответственно, для местного населения играют огромную роль природные ресурсы. Традиционный хозяйственный уклад жителей ориентировался на морские промыслы. "Море — наше поле!", — всегда говорили поморы (Максимов 1984). Поморские территории характеризуются удалённостью и изолированностью. Приверженность к традиционным способам хозяйствования можно объяснить тем, что природный ландшафт этих сообществ сохранился, до последнего времени он практически не был затронут промышленно-хозяйственной деятельностью. Жителям сообществ свойственно развитое чувство родства с территорией проживания.

Вепские сообщества гораздо сильнее затронуты трансформацией. Территория их проживания оказалась в сфере активной деятельности лесной промышленности и сельского хозяйства. Деревни вепсов не изолированы, имеют обычное дорожное сообщение и развитые средства связи. Кроме того, они расположены не столь далеко от крупнейшего центра Северо-запада России — Санкт-Петербурга. Традиционный способ хозяйствования в советский период был сильно изменен, созданы крупные государственные сельскохозяйственные и лесозаготовительные предприятия. Для работы на них приезжали люди из других частей России, поэтому состав вепских деревень этнически неоднороден. При этом основу сообществ по-прежнему составляют потомки коренных жителей.

Трансформационные процессы

В настоящее время трансформационные процессы привели к различному состоянию вышеупомянутых сообществ. Поморские сообщества Сояны и Долгощелье длительное время развивались по похожему сценарию. И в том, и в другом сохранились рыболовецкие колхозы. В настоящее время основным отличием является банкротство рыбколхоза в Сояне и связанный с этим клубок социально-экономических проблем.

Сообщество Сояны находится в точке кризиса, оно испытывает шок. Большинство людей не знают, как смогут жить без колхоза и что делать дальше. Характерно высказанное несколькими респондентами мнение, что в случае, если рыбколхоз окончательно погибнет, тогда они все умрут. В то же время в Сояне есть примеры социальной активности, например, часть социума ищет выход в возврате к традиционному слагаемому жизненного уклада (личное подворье, корова, свои покосы, места охоты и рыбалки, дети как помощники и преемники, и т.д.). Тем не менее, экономика социума на момент наблюдений выстраивается, в основном, на бюджетных выплатах (зарплаты служащим, пенсии).

Более благополучна ситуация в Долгощелье, где колхоз сохраняется и сообщество живёт относительно стабильно. Можно сказать, что сообщество находится в точке консервации. Здесь колхозный рыбный промысел "вытягивает" общественное молочное животноводство и социальную сферу, хотя в жизни жителей, как и в Сояне, очень серьезную роль играет самообеспечение (огород, охота и особенно рыбалка, сбор грибов и ягод, заготовка веников и сена, изготовление утвари и др.). Затрудненность транспортных коммуникаций и практически полная изолированность в период весенней распутицы сообщества переживают с привычным спокойствием. Внешний товарооборот до недавнего времени осуществлялся через колхозные структуры, но постепенно эту функцию всё уверен-

² В селе Долгощелье есть только несколько двухэтажек барачного типа, заселённых в основном осевшими ненецкими семьями.

нее берут на себя местные предприниматели, вытесняющие структуры потребкооперации.

Членам поморских сообществ присуща высокая степень доверия друг к другу. Какой бы вопрос мы ни исследовали, каждый раз в кругу доверия оказывается практически вся деревня. Более того, респонденты утверждают, что "все про всех всё знают", то есть знают не только имена, но и личные истории. В повседневном обиходе не требуются замки и запоры. Это индикатор, что сообщества слабо фрагментированы. Основу фрагментации, как и прежде, составляет деление по семейным и родственным связям. Связи через трудовые и учебные коллективы играют менее значительную роль, чем родственные связи.

Состав жителей этнически однороден и родственно близок. Приезжие, как правило, являются выходцами из соседних таких же деревень. Семьи имеют не слишком различающийся ежемесячный доход, либо занимаясь предпринимательством, работая в колхозе или социальной сфере, либо получая социальные пособия и пенсии. Все проживают в одинаковых жилищных условиях, имеют огороды, занимаются традиционным природопользованием. Однородность сообщества лежит в основе общих ценностей и общих представлений о нормах общественной жизни и путях развития сообщества.

В отличие от поморских, вепским сообществам присуща заметная фрагментация. В социуме сохраняется память о прежних родовых связях, однако растет значимость связей внутри трудовых коллективов (например, учителя школы, работники конторы совхоза и деревоперерабатывающего цеха). Расслоение вепских сообществ проявляется в разной степени. Так, в Пашозере сообщество тоже относительно однородно по уровню дохода, но наблюдается много отличий по другим параметрам, например, отличаются бытовые условия жителей многоэтажных домов со всеми удобствами и традиционных частных домов, не все жители имеют свои огороды, не все занимаются традиционным природопользованием. В Винницах есть заметное расслоение в сообществе по экономическому признаку, так как возник слой местных предпринимателей и их работников, имеющих относительно высокий уровень доходов относительно пенсионеров и безработных. Присущи и отличия, обозначенные для поселения Пашозера.

Специфика сообщества Пашозера характеризуется глубоким социально-экономическим упадком. Можно утверждать, что оно находится в точке деградации или постепенного разрушения. Вследствие этого очень многие из прописанных жителей в деревне фактически в ней не живут, так как уехали на заработки в города. Практически всё трудоспособное население ориентировано на переезд из деревни, так как ситуация с работой ухудшается. Есть опасность, что будет закрыта школа, так как там учится мало детей, закрывается лесничество, под угрозой закрытия детский сад, клуб и этнографический музей. При сокращении жителей будут сокращены и работники самого многочисленного хозяйства — теплоцентра. Вдобавок ко всему в процессе развала совхоза люди не смогли защитить свои права на земли сельскохозяйственного назначения. Видимо, поэтому респонденты отмечали, что не видят у поселка перспективы и обдумывают, как уехать самим в город или устроить там детей. Эти условия способствуют актуализации сетевых взаимодействий по линии традиционных родственных и новых дружеских связей, когда уже переехавшие в город помогают вновь переезжающим устраиваться в городе.

В Винницах социально-экономическая ситуация более благоприятна и стабильна. Это сообщество единственным из исследованных вышло на следующий уровень, причем трансформация его пошла по сценарию гибридизации, сочетающему традиционный уклад и новые рыночные практики. Несмотря на существующий отток молодежи в город, эта миграция не носит критического для сообщества характера. Есть перспектива развития поселения, так как всё ещё достаточно инициативных людей, умеющих использовать местные ресурсы. В поселении

развивается мелкий и средний бизнес (различные бытовые услуги и туризм, народные промыслы, лесопереработка и рыболовство), основанный на возобновимых ресурсах.

Поморские и вепские сообщества: исторический и современный социально-экономический контекст

На протяжении столетий поморские и вепские сообщества жили в определенном природном ландшафте и климате, жизнедеятельность их была устойчива, культура и традиции сохранялись. Эти сообщества были комплиментарны друг другу в духовном отношении и близки в технологиях быта. Исторический процесс и развитие технологий по-разному воздействовали на развитие этих сообществ, их социальную структуру. Однако основа этой структуры — "община — мир", определявшая социальное взаимодействие и традиции крестьянского деревенского сообщества, сохранялась (Теребихин 1993; Пименов 1965). Соответственно этому сохранялась и близость культур.

Советский период оказал на сообщества схожее по силе и характеру воздействие. Вначале сильно сказались репрессии в отношении зажиточных семей, а также деятельность партийных идеологов и культурно-просветительских работников (Коротяев 1998). Затем механизация труда и укрупнение коллективных хозяйств, увеличение их производственных мощностей способствовали изменению характера отношений сельских жителей как друг к другу (снижение роли родственных связей), так и к окружающей природной среде (человек перестал быть частью природы, став "хозяйном" природы).

Однако надо отметить, что и в этот период традиционные черты жизненного уклада, социальных отношений играли существенную роль в жизни села. В конце — советское государство проявляло тотальную заботу о людях, используя командно-административные методы, и одновременно разрушало традиционные механизмы жизнедеятельности индивидуальных хозяйств и самих сообществ. Не случайно на этот период приходится активизация массовой миграции в города наиболее одаренной молодежи и многих предприимчивых сельян.

Период реформ, особенно начиная с 2000-х гг., принёс постепенное лишение доступа сообществ к природным ресурсам, которыми они традиционно пользовались и от которых во многом зависели. Этот процесс особенно усилился в последние годы — приняты законы, устанавливающие платность пользования ресурсами, аренду участков за частными лицами и организациями. Таким образом, за счет ущемления прав традиционных сообществ облегчается доступ к их природным ресурсам новых групп — представителей бизнеса разного уровня и горожан.

Лишение доступа к природным ресурсам может осуществляться также путём создания особо охраняемых природных территорий (ООПТ). В ходе зонирования местные жители лишаются возможности доступа к своим традиционным угодьям. При этом доступ к использованию территории ООПТ имеют те, у кого есть власть и деньги. Именно такая схема реализуется в рамках Солянского заказника, значительно сократившего для солянцев возможности традиционного неразрушающего природопользования. В то же время разрешается строительство и эксплуатация практически любых элементов инфраструктуры промышленной добычи алмазов (прокладка автодорог, строительство мостов, сведение лесов и т.д.) Захват неместными бизнес-структурами местных рыболовецких кооперативов (у поморов), части лесозаготовительных и сельскохозяйственных предприятий (у вепсов), отчуждение сенокосных, грибных, ягодных и охотничьих угодий — также можно рассматривать как способ ограничения доступа местного населения к природным ресурсам.

В этих же условиях происходит постоянное сокращение социальной сферы — закрытие школ, почт и вместе с ними банковских услуг, медпунктов, библиотек и домов культуры. Ук-

рупление местных административно-территориальных единиц приводит к сокращению служащих. Людям в сообществах очень сложно противостоять этим негативным тенденциям. Если учесть, что многие разрушительные для сельских сообществ законы были приняты в течение последних лет, то возможно, что через некоторое время мы увидим гибель тех сообществ, о которых пишем сейчас, поскольку любое устойчивое сообщество имеет предел адаптивных возможностей к разрушительному внешнему воздействию.

Изначальная культурологическая близость исследованных сообществ несколько диссонирует с данными, полученными нами в ходе исследования и свидетельствующими о значительном различии между социумами к настоящему времени. Причем различие между поморскими и вепскими сообществами имеют несколько иной характер, чем среди поморских и среди вепских соответственно. Попробуем в какой-то мере систематизировать и проанализировать эти наблюдения по нескольким аспектам.

Информационное взаимодействие

Для начала охарактеризуем информационные связи внутри исследованных сообществ. Информационный обмен и общение во всех исследованных социумах происходит как в результате неформального общения, так и на формальных мероприятиях сообществ. Неформальное обсуждение спонтанно возникает в магазинах, трудовых коллективах, молодежных компаниях, библиотеках, местах отдыха, на улицах и праздниках. Формальные обсуждения организуются на сходах, собраниях рыбколхоза, трудовых и жилищных коллективов. Сходы и собрания в поморских селах не часты. На ежегодные отчетные сходы администрации ходит мало людей, собрания рыбколхозов более посещаемы. Притягательны для людей собрания, где не только поднимаются, но и решаются важные для них вопросы, в первую очередь — денежные и ресурсные. В вепских сообществах собрания и сходы происходят достаточно часто, однако ходят на них не все жители, а лишь наиболее активная часть. Например, в Пашозере актив составляет 20-25 человек, в основном это женщины — пенсионеры и учителя, и школьники. Этот актив постоянно ходит на все сходы, собрания и мероприятия.

Специфика неформальных обсуждений в поморских сообществах такова: начальное обсуждение любой новой проблемы происходит в семье, с ближайшими соседями. В зависимости от темы обсуждение происходит при встрече на улице, в магазине, на рабочих местах. Информация о возможных путях решения проблемы передается по семейным и дружеским сетям. Если проявляется инициативная группа, готовая взять на себя попытку решения проблемы, то вопрос обсуждается участниками группы, нарабатывается путь возможного решения, который выносится затем на общее рассмотрение — например, письменное заявление, которое предлагается всем подписать. После этого письмо направляется в нужную инстанцию, которая компетентна в решении данной проблемы.

Специфика неформальных обсуждений в Винницах и Пашозере сильно отличается друг от друга. В Пашозере формальные и неформальные обсуждения происходят достаточно открыто, люди обсуждают общие и свои проблемы с односельчанами. Все жители знают друг друга. Открыто обсуждаются проблемы и с приезжими, так как они могут подсказать неизвестную альтернативу. Это сообщество достаточно свободно для информационного обмена.

Мы не заметили недоверия между жителями, как внутри сообщества, так и по отношению к приезжим. Однако демонстрируемая открытость скорее всего внешняя сторона. Например, в отличие от поморских сел, жители Винницы и Пашозера вне семьи практически не делятся друг с другом информацией о созревании ягод и появлении грибов, подходе рыбы и т.д. Это объясняется тем, что у вепсов нет поморской традиции

артельности природопользования в силу иных ландшафтно-климатических условий.

Специфика Винниц — обсуждение, осуществляющееся в небольших относительно замкнутых кругах доверия, но не во всем сообществе. Участники социума не испытывают безусловного доверия друг к другу. Неформальное обсуждение тем, требующих коллективного реагирования, осуществляется, как правило, внутри сравнительно узкого круга. При этом круг доверия по одной теме может не совпадать с кругом доверия по другой теме. Мы наблюдали, как человек, откровенно обсуждавший со своими знакомыми приватную тему охоты, скрывал от них некоторые обстоятельства другой, намного более публичной темы, связанной с лесозаготовкой. Еще менее винницкие вепсы склонны доверять приезжим. Так, про систему оповещения всех местных заинтересованных рыбаков о перемещениях рыбнадзора в рейдах по реке мы узнали от одного из респондентов, лишь после нескольких дней общения после того, как он проникся к нам доверием.

Формализованные обсуждения в Винницком поселении тоже носят специфические черты. На общих собраниях (например, отчет главы муниципального образования, встречи с депутатами) людям проще подавать обезличенные записки, чем задавать вопросы напрямую. Привычность такого способа обсуждения, видимо, повлияла на успешность сбора жалоб и предложений через специальные ящики, выставленные у магазинов. Этот метод был опробован по инициативе одного из сельских депутатов и посвящался оценке работы местной милиции. Интересно, что были получены не только жалобы, но и весьма конструктивные предложения, и даже благодарности.

Сама по себе выявленная сдержанность в информационных взаимодействиях еще не указывает напрямую на информационную закрытость сообщества. Так, при поиске экспертных знаний и применении их на практике исследованные социумы демонстрировали заметную активность. Например, для проведения вепских праздников в Винницах организационная группа активно заимствовала опыт других угро-финских народов, привлекала исследователей и знатоков традиционных культур. Есть своя специфика формальных обсуждений и в Пашозерском поселении. Обсуждения на сходах и собраниях товарищества собственников жилья (ТСЖ) обычно сводятся к вопросам, высказываниям мнений, то есть носят больше информационно-дискуссионный характер, и редко приводят к изменению мнений и решений.

Определенная специфика информационного взаимодействия проявляется в закрытости личного пространства дома. Это особенно характерно для небольших деревень вепских поселений. В центрах сельских поселений Пашозера и Винницы также присутствует реликт традиционной для вепского сообщества закрытости от чужих. В гости друг к другу ходят только близкие друзья и родственники, а других в дом не приглашают. Причем так ведет себя большая часть сообщества.

Другая часть сообщества, в основном, связанная с деятельностью природного парка "Вепский лес", готова принимать у себя дома людей, давать мастер-классы по народным промыслам, рассказывать о своей жизни, и даже сдавать свои дома и комнаты за деньги для приема туристов. Эти люди, которым приём туристов не просто позволяет заработать деньги, но и расширяет возможности общения, получения дополнительной информации, развивает внешние связи, а также дает возможность поделиться своими новыми знаниями в своей сети. Через природный парк "Вепский лес" сообщество получило дополнительный информационно-ресурсный канал, как для обмена информацией, так и для обсуждений.

Внутри поморского сообщества существует полная информационная открытость (все знают обо всем и обсуждают всё). При этом поморское сообщество демонстрирует "закрытость" от чужих. Однако, если чужой приходит с местным проводником и действует так, что вызывает доверие людей, то сообще-

ство достаточно быстро открывается для такого "чужого". В вепских сообществах мы отмечали, что доверие существует не внутри всего сообщества, а в небольших кругах доверия. Участники всего социума не чувствуют безусловного доверия друг к другу.

Неформальное обсуждение тем, требующих коллективного реагирования, осуществляется, как правило, внутри сравнительно узкого круга. Как уже отмечалось выше, круг доверия по одной теме может не совпадать с кругом доверия по другой теме. При этом для чужих демонстрируется полная открытость сообщества. Эта открытость на деле оказывается мнимой, то есть вепские сообщества, сохранив традиционную "закрытость" по отношению к "чужим", приспособились к условиям трансформации, заслонив показной открытостью приватные темы.

"Доверие-недоверие" и "открытость-закрытость" в сообществах — важные характеристики, влияющие как на процессы обсуждения и реализацию решений, так и на информационное взаимодействие сообщества с акторами извне. В поморских сообществах можно наблюдать очень высокую степень доверия людей друг к другу. Один из индикаторов, демонстрирующих это — отсутствие замков. Люди, уходя из дома, не запирают дверь, а приставляют к двери палку или метлу, свидетельствующую о том, что дома никого нет. Такая традиция существовала ранее и у вепсов, но в настоящее время практически утрачена.

Однако, как и в поморском сообществе, при правильном взаимодействии и наличии проводника, сообщество может до определенной степени открыться перед "чужим". Такая специфика доверия в поморском сообществе привела к ошибкам при выборах руководителей колхозов и последующем контроле за их деятельностью. В вепском сообществе в Пашозере она тоже сказалась на ошибке в выборе руководителя совхоза. Все эти руководители были приглашены со стороны и в конечном итоге привели организации на грань существования. В то же время в Винницах, где уровень взаимного доверия намного ниже, вопросы выборов руководства, сохранения природных ресурсов и развития бизнеса в большей степени оказались в руках членов местного сообщества.

Поморские и вепские сообщества имеют различную степень "закрытости" по отношению к приезжим. Поморские сообщества относительно закрытые, сильна местная идентичность и сохраняется четкое противопоставление члена местного социума и "чужих". Тот, кто приехал в деревню из другого района, воспринимается как не местный даже по прошествии десятков лет.

В вепских сообществах сравнительно легко проходит ассимиляция в социум приезжих других национальностей; их потомки уже воспринимаются местными как "свои". Это, с одной стороны, снимает напряженность в восприятии приезжих. С другой, создает проблемы идентификации и препятствует определению общих целей развития. В результате отсутствия таких целей появляется разделение, например, между теми, кто стремится к городской жизни, и теми, кто ориентирован на жизнь на селе.

Взаимные услуги

В поморском социуме сохраняется практика оказания бесплатных услуг родственникам и ближайшим соседям. Так, удачливый рыбак, вернувшись с промысла, оделяет родственников, друзей, соседей рыбой. Не принято брать деньги за угощение, ночлег и баню. Также бесплатно принято подвозить пешеходов, помогать в строительстве, уборке урожая и др.

В вепском социуме, напротив, принято оказание платных услуг. Так, школьники в Винницах, колющие дрова для одиноких пенсионеров, могут заработать до 2 тысяч за один-два дня. Однако и у вепсов повсеместно много случаев оказания бесплатных услуг. Например, сохранилась практика добровольно-

го и безвозмездного ухода за скотом, временно оказавшимся без хозяйского пригляда.

Платные услуги в традиционных сообществах редки, и в большей степени ориентированы на приезжих. Но и в этом случае цена часто не называется, а исполнители демонстрируют готовность взять столько, сколько дадут. "Чужой" часто не знает, какова будет реакция — примут ли плату с благодарностью, или возьмут, чтобы не обидеть дающего. А может, и обидятся сами на то, что их услугу не восприняли как оказанную "от чистого сердца".

Общие ценности

В поморских сообществах общие ценности разделяются всеми членами. Общественная этика порицает практику жаловаться друг на друга в любые органы власти или другие официальные структуры. Это относится к поведению в социуме, охоте и рыбалке. Вместе с тем, случаи нарушения такой этики приводились в интервью, например, по поводу неоформленных рубок деревьев. Вепские сообщества более фрагментированы, при наличии общих ценностей и ориентации на них существуют различные группы, ценности которых могут отличаться. Однако роль общих ценностей и морального регулятора традиционно высока. Понятия "стыдно" и "не принято" до сих пор во многих случаях регулирует поведение.

В поморских деревнях отсутствует воровство — двери домов не закрываются. Нет криминала, практически нет проблемы пьянства. Более того, в обеих деревнях респонденты отметили, что по сравнению с поздним советским периодом пить стали меньше. Именно наличие общих ценностей является базой для взаимодействия, идентификации проблем сообществ и предложения решений. Стоит отметить, что общие ценности и традиции приводят к тому, что в исследованных традиционных сообществах люди зачастую видят только один путь решения проблемы и не предлагают альтернатив.

Сетевое взаимодействие

В поморских сообществах вся деревня представляет собой социальную сеть, основанную на родстве, соседстве, совместном труде и праздниках. В целом, несмотря на впечатление, что каждая семья живёт сама по себе (в каком-то смысле самодостаточно), существует четкое осознание людьми их взаимозависимости и общей судьбы деревни. В рамках общей сети существуют небольшие группы интересов, также основанные на сетевом взаимодействии.

Вепские сообщества также основаны на сетевом взаимодействии, но сеть охватывается не все сообщество (член сообщества не знает всех и всё про всех, поэтому люди части сообщества становятся для него "чужими"). В Винницах скорее можно говорить о взаимодействующих между собой нескольких сетях. При этом основная тема обсуждения — занятость и возможность найти место работы. Одна из возможных причин отличия — размер винницкого вепского сообщества, которое насчитывает несколько тысяч человек.

В отличие от Винниц поморские сообщества, как и вепское сообщество пашозерского сельского поселения, насчитывают несколько сотен человек. В них каждый взрослый знает всех остальных по именам и фамилиям, помнит возраст и основные события жизни односельчан. Однако это различие не единственное. Главное отличие — уже отмеченная нами фрагментированность вепского сообщества Винницы. Там сети представляют собой ограниченный круг доверия, формирующийся не столько по родственным связям, сколько по участию в деятельности трудовых и учебных коллективов, совместных делах.

В то же время вепсам характерно давать обещания участвовать в коллективных действиях, то есть быть в кругу поддержки, однако предпочитать им собственные или семейные дела. Об этом среди самих вепсов говорится с юмором. Эта черта, на

наш взгляд, также свидетельствует о "закрытости" вепского сообщества, являясь своеобразным способом ухода от конфликта через соглашательство.

Лидерство и статусность

Иерархическая или вертикальная структура поморского общества слабо развита. В связи с этим остановимся на проявлении лидерства в сообществе. Формальный статус лидера (глава администрации, председатель колхоза / совхоза, директор школы или дома культуры) не означает автоматически лидерства и уважения. Фактическими лидерами становятся те, кто что-то делает положительное для сообщества, готов взять на себя ответственность довести дело до конца, организовать решение проблемы. Такие лидеры, как правило, вначале преодолевают сопротивление сообщества, не стремятся к формализации своего статуса и инициативы односельчан.

Одной из основных обсуждаемых тем в поморском сообществе была и остаётся тема деятельности основного формального лидера — председателя рыбколхоза. От него во многом зависит благосостояние колхозников и их семей. На втором месте обычно глава администрации, потому что от него зависят организационные процессы и взаимодействие с иерархией власти. Эти обсуждения практически всегда самоорганизующиеся, кроме колхозных собраний и сходов. Они происходят во время случайных встреч, дней рождений, свадеб и похорон, после формальных событий, то есть практически при любом взаимодействии. Этих лидеров сравнивают с предыдущими, связывают с ними свои чаяния и надежды на будущее. В основе такого интереса лежит декларируемая возможность выбрать "хорошего", "правильного", "справедливого" формального лидера.

В вепских сообществах очень важен статус. Неформальные лидеры, чтобы быть признанными, как правило, добиваются официального формального статуса. Поэтому в вепском сообществе мы в большей степени можем говорить о наличии процесса иерархизации взаимодействия. Приобретение формального статуса является кульминацией признания. Должность не означает автоматически высокого статуса, но признанный лидер обязательно должен её получить для признания его успешной деятельности в сообществе и для сообщества. Следует отметить, что такие формальные лидеры, оставаясь на местном уровне, продолжают вести свою деятельность, не ограничиваясь формальными рамками. Они не измеряют её часами и объёмом работы, остаются доступными для заинтересованной группы.

Если же лидер повышает свой статус, переходя по иерархической властной или коммерческой лестнице на районный, областной и так далее уровень, то он теряет свободу реализовываться неформально. Получается парадокс: карьерный рост лидера даёт всё больше возможностей помочь сообществу, однако увеличивающаяся формализация его жизни всё меньше позволяет реализовать эти возможности на практике. Исключением является деятельность в рамках общественных организаций — выход на международный уровень значительно усиливает возможности группы интересов и всего сообщества решить проблемы, исходящие с федерального, областного и районного уровней.

Важным приоритетом вепского социума является стремление людей к приобретению определённого статуса, обуславливающего быструю формализацию социальных инициатив. При этом получивший официальный статус лидер, как правило, исполняет работу, намного превышающую объём его служебных обязанностей. В качестве примера можно указать на активность директора Центра вепской культуры в Винницах, учителей и директора школы и т.п. В Ладве формализованный лидер — староста деревни, даже не получая зарплаты, исполняет значительный объём работы, и при этом с гордостью показывает свое удостоверение старосты. В то же время, формали-

зация инициативы позволяет социуму снять с себя значительную часть забот по её реализации, взваливая её на плечи формализованного лидера. Таким образом, не происходит мобилизации всего социума для решения проблем. Наиболее просто мобилизация всего социума происходит в случае осознания реальной угрозы, когда сообщество видит, что жить будет хуже.

Формализация лидера может быть одним из способов преодоления социумом механизма торможения, играющего важную роль в обеспечении стабильности существования социума в конкретном природно-культурном ландшафте. Как свидетельствуют материалы настоящего исследования, жизнеспособность традиционных сообществ во многом определяется взаимодействием двух факторов — активности в различных её проявлениях (хозяйственной, культурной, социальной, экологической) и торможения этой активности в других. На основе бесед можно констатировать тяготение представителей активной части социума друг к другу и отсутствие тяготения между пассивными участниками социума. Поскольку пассивная часть по численности, как правило, превышает активную, формализация лидера оказывается необходимым условием обеспечения развития социума.

Важность ориентации на статусность можно проиллюстрировать бытовым примером. Молодая семья в отдаленной от Винниц деревне приобретает большое количество ненужных ей, но необходимых для подтверждения статуса предметов (холодильник, микроволновка, стиральная машина, ковры). В результате микроволновка используется как шкафчик, а стиральная машина-автомат стоит неподключенной, тем более, что в доме нет водопровода, и стирка по-прежнему осуществляется вручную — хозяйке так привычной.

Можно констатировать, что в обоих сообществах есть как формальные, так и неформальные лидеры. В поморском сообществе лидеры сообщества зачастую являются неформальными, хотя могут и сочетать неформальное лидерство с формальной лидерской должностью. В вепском сообществе выдвигающиеся лидеры обязательно формализуются, приобретают статус, чтобы продолжить свою деятельность в рамках формальных должностей.

Сохранение традиций

В жизни сообществ традиции и новации сочетаются. Однако практики повседневной жизни и мышление всё же во многом основаны на традициях. В сообществах очень сильны общие ценности. В поморских сообществах общие ценности разделяются всеми членами сообщества. Вепские сообщества более фрагментированы, при наличии общих ценностей и ориентации на них существуют различные группы, ценности которых могут различаться. Именно наличие общих ценностей является, как правило, базой для идентификации проблем и выдвижения решений. Стоит отметить, что общие ценности и традиции приводят к тому, что в традиционных сообществах люди зачастую видят только один путь решения проблемы и не предлагают альтернатив.

В сознании людей, и в поморских, и в вепских сообществах элементы традиционного мышления сильно укоренены, хотя к концу XX в. вепские и поморские традиции, определявшие самобытность социумов, оказались в значительной степени забыты. Поморы практически утратили как религиозную, песенную и праздничную традиции, так и свой язык, сохранив многие традиционные трудовые навыки, которые применяются в домашнем быту и при традиционном природопользовании. Огромный объём культурологических данных, приводимых в литературе о вепсах, большей частью не подтверждается при непосредственном контакте с ними. Наблюдаемое сегодня активное возрождение вепской культуры оказывается возможным благодаря живым носителям языка и обрядности, сохранившим память о бытовых и хозяйственных навыках, и заметно формализовано.

Остановимся более подробно на элементах традиционных представлений у вепсов. В сознании вепсов постоянно присутствует традиционное восприятие населённого пространства окружающего мира, которых нельзя раздражать, с ними желательно договориться. Возможно, именно здесь коренятся истоки постоянной готовности к обещаниям без намерения их исполнить. Об этом же может говорить и двойственность ценностей. Декларируемые ценности не соответствуют практике. Так, женщина-культурработник, долго и увлеченно рассказывавшая нам о своей задаче прививать молодому поколению любовь к родному краю, при вопросе, на что она ориентирует своих детей, всплеснув руками, воскликнула: "В город, конечно в город!". Характерно, что приезжие, не сумевшие воспринять такую модель поведения, оказываются в итоге в какой-то степени отчуждены от социума. Священник, открыто ругавший самостоятельно построивших часовню жителей отдалённой деревни за то, что они "развели язычество", кутая крест пеленами и вешая обетные полоски материи на священные деревья, в соответствии со своими традициями, не вызывает доверия у местных жителей настолько, что его не пригласили на освящение восстановленной в традиционном стиле часовни.

Характерно, что население окрестных деревень гораздо больше, чем в центральных деревнях — Винницах и Пашозере, сохранило элементы традиционных представлений и практик природопользования. Так, интервьюируемые из Ладвы сообщали о том, что каждая семья пользуется своими местами сбора грибов и ягод, охоты и рыбалки. Другие стараются не ходить на эти места. Для рыбной ловли на озерах и охоты жители общины строят промысловые избушки. Обслуживание их (уборка, ремонт, заготовка дров) осуществляется в последующем также общиной. В избушках сохраняется запас необходимых для выживания продуктов, бытовых предметов и дров. Избушки эти не запираются. Не принято сообщать властям о ведущих традиционный промысел охотниках и рыбаках, даже если они осуществляют эту деятельность с нарушением действующего законодательства. Среди узкого круга доверия используется мобильная связь для оповещения о передвижениях представителей надзорных органов².

В Лашково у местных жителей сохраняется память о родовых покосах. Если трава на таком покосе не выкашивается "хозяином", то можно его использовать другим, правда, спросив разрешения на покос у "хозяина". Мы взяли в привычку слово "хозяин", поскольку документально все эти участки в собственность не оформлены. Другой пример. Считается, что любая найденная вещь кому-то принадлежит, даже какая-нибудь старая доска или брошенное колесо трактора, поэтому брать ее нельзя. В Ладве среди соседей принято присматривать и ухаживать за оказавшимся временно без хозяйского присмотра скотом. Делается это без дополнительных просьб и без какой-либо выгоды. В Харагиничах более молодые помогают пожилым соседям. Зимой, когда те из-за заснеженной дороги не могут выйти в магазин, приносят им продукты. Ежедневно наблюдают, топится ли печь, есть ли свет в домах, то есть всё ли в порядке; навещают, помогают по хозяйству, если соседи заболели. Сохраняется традиционная вера в духов, а также связанные с этим обряды (иголка в стене, обращение к "хозяину" лесной избы и т.д.). В поморских сообществах основные проявления традиционных представлений касаются практик природопользования. В этих деревнях семьи ставят свои промысловые избушки, которые используются для охоты, рыбалки, выезда для сбора ягод, иногда для покосов. Так же, как и у вепсов, есть негласное родовое распределение мест сбора грибов и ягод, рыбалки и охоты.

Формы возрождения традиционной культуры

По-разному мы видим черты возрождения традиционной культуры у поморов и вепсов. У поморов быт во многом сохранил традиционные черты, кроме того, люди в поморских сообществах никогда не забывали, что они поморы, гордились своей историей. Другое дело, что советская практика формирования единого советского народа сказалась и здесь, благодаря чему исчезли многие черты поморской культуры. Сильно пострадали язык и письменность. Однако в последние десятилетия происходит актуализация этнического поморского самосознания, особенно в связи с новыми государственными законами, не учитывающими традиционные права на природопользование поморов. Борьба за права — это катализатор этнического самосознания, развитию которого также способствуют созданные в областном центре поморские общественные организации.

Совершенно другую картину мы увидели в вепских сообществах, где разрушение этнической идентичности со стороны российского (царского), а позднее и советского государства происходило значительно сильнее. Быть вепсом было стыдно, а в некоторые периоды и опасно. Реконструкция этнического самосознания и традиций началась у вепсов под влиянием этнографов и фольклористов, инициативу которых поддержала в 1980-е гг. компартия. Позже в этот процесс включились созданные вепские общественные организации. Затем для сохранения культурной и природной среды была создана региональная ООПТ — природный парк "Вепский лес".

Возрождение традиций у вепсов внешне выглядит более ярко, чем у поморов — созданы официально действующие музеи, в школах изучается вепский язык, создана мастерская традиционных ремёсел, ежегодно проводится вепский национальный праздник, есть ансамбль традиционной песни. Однако все эти инициативы финансово поддержаны государством, и неизвестно, сколько бы они продолжали существовать, если бы такая поддержка прекратилась. На уровне же повседневных бытовых практик культурные традиции сохранены меньше, чем у поморов.

Вепсы не используют большей частью льгот, предоставляемых коренным малочисленным народам в рамках федеральных законов и целевых. До сих пор не создано национально-культурной автономии вепсов (Закон РФ о национально-культурных автономиях), на территории районов нет ни одной зарегистрированной вепской общины (Закон РФ об общинах коренных малочисленных народов). Отсутствие таких структур препятствует реализации прав вепсов как коренного малочисленного народа в полном объеме. При этом закон о защите прав коренных малочисленных народов содержит важную оговорку. Наряду с представителями коренных народов, теми же льготами наделяются все, кто живет рядом с ними и ведет тот же образ жизни. Таким образом, полная реализация механизма защиты прав вепсов могла бы способствовать сплочению социума вокруг этой этнической группы, поскольку в таком случае сохранение вепской идентичности могло бы стать общей заботой.

Как мы видим, изменению подверглось в наибольшей степени вепское сообщество Винниц, причем изменения в виде выхода на новые сценарии происходит при максимальной по сравнению с другими сообществами гибридации. Так, традиционные вепские праздники собирают большое количество приезжих, а вот местное население к ним постепенно охладевает. То есть праздники возрождаются как коммерческое предприятие, но не как народная традиция. Развивается домостроение, но традиционные технологии применяются не для себя, а для заказчика. В своем же хозяйстве все большую роль играют привнесенные технологии и материалы.

² Эти сведения сообщались нам только в случае представления нас местным проводником, входящим в их круг доверия.

Конкурентная борьба за лесные ресурсы, спровоцированная аукционами, приводит к утрате хозяйского отношения к лесу. Фрагментирование некогда единого винницкого социума, можно уверенно проследить с советского периода, когда два крупных предприятия, совхоз и леспромхоз, делили социум пополам. К проявлению гибридной культуры можно отнести отношение молодежи к знанию родного вепсского языка не как элементу самоидентификации, а как средству внеконкурсного поступления в престижный вуз (РГПУ им. Герцена, кафедра коренных народов).

Если же изменения, происходящие с социумом, не меняют его генетическую природу, уместнее говорить о трансформации. Так, в Сояне в условиях ограничения доступа к природным ресурсам растёт зависимость от внешних рынков, что порождает частную торговлю, ведущуюся местными предпринимателями. Но конкуренции при этом нет, так как люди в соответствии с традицией считают неприемлемым для себя вступать в какие-либо конкурентные отношения, перехватывать поле деятельности другого. Каждый ищет свою нишу, подобно тому, как не принято собирать грибы или ягоды на "чужом" месте. Другой пример — из жизни Винницкого поселения. Появление потребности в приеме сторонних людей, привлекаемых вепскими праздниками, сталкивается с традиционной "закрытостью" вепских жилищ для посторонних. Как результат — появляются гостевые домики, специально предназначенные для приема гостей. Хозяева при этом зарабатывают деньги, не нарушая неприкосновенности своего жилища.

Определенных усилий со стороны социума требует и консервация — сохранение традиций, жизненная необходимость в которых исчезла. И это оправданно — ведь при изменении условий существования сообщества сохраненное может быть востребовано. В этом случае уместно говорить об актуализации — возвращении традиционных практик, которые еще не утрачены или утрачены не полностью, в круг необходимых. Различие между этими понятиями можно проиллюстрировать следующим примером. Мастер по шитью карбасов в Долгощелье занимается этим только во время ежегодного отпуска в колхозе, практически консервируя свой навык. В соседней Сояне, где колхоз рухнул, бывший колхозник актуализирует сохранившийся навык, возрождая традиционное личное молочное хозяйство, и увязывая с этим благосостояние своей семьи.

Как свидетельствуют материалы настоящего исследования, жизнеспособность традиционных сообществ во многом определяется взаимодействием двух механизмов — активности в различных её проявлениях (хозяйственной, культурной, социальной, экологической) и торможения этой активности. Возможно, таким сочетанием и обеспечивалась на протяжении веков устойчивость традиционных сообществ. Понятно, что без активности автономный социум нежизнеспособен. Однако несдерживаемая ничем активность не менее опасна, поскольку вызывает чрезмерную нагрузку на вмещающий сообщество ландшафт.

В вепских и поморских сообществах мы наблюдали, как новое практически всегда не встречает поддержки большинства социума. То есть сначала люди не поддерживают, но и не препятствуют новым инициативам. Сообщество смотрит, что получится, как быстро и с какими результатами новое станет входить в жизнь, покажет ли свою жизнеспособность и применимость. Взаимодействие этих механизмов очень четко проявилось в поморских сообществах. Действуют эти механизмы и в вепских сообществах. Причем, в случае Пашозера, механизм торможения заметно преобладает, что приводит к постепенной деградации сообщества. В случае Винниц, наоборот, новое наиболее активно из рассмотренных случаев пробивает себе дорогу, обуславливая динамичный рост и в то же время способствуя большей фрагментации социума и создавая риски

будущих разрушений (например, в случае кризиса и обвала внешних рынков).

Заключение

Подводя предварительные итоги, попытаемся охарактеризовать условия, содействующие повышению устойчивости социумов.

— Устойчивость традиционных сообществ зависит от доступа к природным ресурсам, сохранения традиционных практик природопользования и культуры.

— В социально-экономическом развитии исследованных социумов наблюдается "маятник": социумы, достигшие в какой-то период наибольших успехов в развитии, при резком изменении условий существования демонстрируют меньшую устойчивость, чем их не столь развитые соседи.

— Настоящий кризис сообществ связан с внешним воздействием государства, предыдущая консервация может смениться либо деградацией и исчезновением, либо актуализацией традиций и переходом к новым сценариям. По ходу всего процесса в периоды наиболее сильного внешнего воздействия возникают временные гибридные формы социальных структур и институтов.

— Точки трансформации связаны с уровнем самоорганизации сообщества. Самоорганизация проявляется не только в активизации трансформационных процессов, но и в инерционности (противодействии изменениям), и даже в торможении активности отдельных членов социума, неформализованных и формализованных лидеров.

— Способы и формы обсуждений в сообществах определяют виды сетевого взаимодействия и специфику лидерства. Обсуждение осуществляется в кругах доверия, которые представляют собой по сути социальные сети. В слабо фрагментированных сообществах существует одна сеть и один круг доверия, а в сильно фрагментированных — несколько.

Литература:

- Гидденс Э. *Социология*. УРСС. 2005. с. 33.
- Дятлов С.А. *Основы концепции устойчивого развития*. СПбГУЭФ. 1998. с. 38.
- Кулясова А.А., Кулясов И.П., Котилайнен Ю. *Современное гибридное управление лесным сектором России // Социология и социальная антропология: Спецвыпуск*. Ред. М. Тысячинок. СПб: Интерсоцис. 2006. Том 9. с. 81-112.
- Кортаев В.И. *Русский Север в конце XIX — первой трети XX века: проблемы модернизации и социальной экологии*. Архангельск: ПГУ. 1998.
- Крысанов А.А. *Тресковый промысел Онежан на Мурмане (1850-1920 годы)*. Онега. 2002. с. 4-5.
- Максимов С.В. *Год на Севере*. Архангельск. 1984.
- Пименов В.В. *Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры*. М. 1965.
- Соколов С.В. *Социальная философия*. 2003. с. 419.
- Теребихин Н.М. *Сакральная география Русского Севера*. Архангельск. 1993.
- Keskitalo C., Kulyasova A.A. *The role of governance in community adaptation to climate change // Polar Research*. April 2009. Vol. 28. No. 1. p. 60-70.
- Kulyasova A.A., Kulyasov I.P., Stewart Ph. *Democratic Practices and Cultural Resilience: How a small people flourished under authoritarianism // Kettering Review*. 2009. Vol. 27. No. 2. p. 39-50.
- Kulyasova A.A., Kulyasov I.P. *Transformation of nature management in Pomorie: fishing villages on the Omega Peninsula of the White Sea // The Changing governance of renewable natural resources in northwest Russia*. Ed. S. Nysten-Haarala. Farnham: Ashgate. 2009. Chapter 10. p. 197-224.